

Концептуальные проблемы учения о преюдиции доказательств в уголовном процессе

Научный руководитель – Головкин Леонид Витальевич

Третьяков Александр Львович

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Юридический факультет, Кафедра уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора, Москва, Россия

E-mail: sashatrtkv@gmail.com

Вопрос о доказательственной преюдиции в уголовном процессе за последние годы вновь стал популярным как для доктрины, так и правоприменителей. Не ослабевают разговоры о преюдиции и на законодательном уровне. Представляется, что проблематика преюдиции в уголовном процессе осложняется несколькими обстоятельствами:

Во-первых, в российской уголовно-процессуальной доктрине до сих пор отсутствует теоретический консенсус в отношении понимания правовой природы преюдиции. Так, некоторые представители доктрины рассматривают преюдицию как возвращение к теории формальной оценки доказательств [1]; другие ученые утверждают, что преюдиция является исключительно российским феноменом, не имеющим сравнительно-правовых аналогов [2]; третьи вообще полагают, что нужно отойти от классических учений и распространить преюдициальную силу на вопросы права [3]. Все эти дискуссии и без того усложняют попытку хоть как-то прийти к единой концептуализации, что необходимо для построения непротиворечивой и теоретически обоснованной модели, которая будет отвечать целям и задачам уголовного процесса как единой системы.

Во-вторых, очевидное несовершенство выбранной законодателем модели построения преюдиции вместе с забвением классических континентальных постулатов и аксиом создает ряд проблем и для правоприменителей. На сегодняшний день одной из основных тенденций в судебной практике по вопросу применения уголовно-процессуальной преюдиции, особенно в её межотраслевом ракурсе, является толкование судами *contra legem* положений ст. 90 УПК РФ: многие суды несмотря на нормативно закрепленный неопровержимый характер преюдиции продолжают игнорировать данное положение и отказывают в преюдициальности фактов, установленных в рамках других процессов [4]. В такой ситуации проблема преюдиции напрямую коррелирует с *принципом свободной оценки доказательств* по внутреннему убеждению лица, ведущего производство по уголовному делу.

В-третьих, актуальной продолжает оставаться проблема соотношения уголовного процесса с гражданско-правовым (арбитражным и гражданским процессами), что особенно ярко проявляется в контексте выбранной законодателем после реформы 2009 г. модели межотраслевой преюдиции. Данная проблема тесно сопрягается с новейшей политико-идеологической тенденцией по отказу от принципа публичности (принципа *ex officio*) в уголовном процессе и усилением в нем частноправовых начал (принципа диспозитивности, доминирования частных интересов над публичными и проч.), на которых построен гражданско-правовой процесс [5].

Представляется, что в настоящий момент назрела необходимость в концептуализации и создании на базе классического (континентального) подхода единого и непротиворечивого учения о преюдиции доказательств в российском уголовном процессе. Это позволит

решить правоприменительные проблемы, сгладить доктринальные споры и устранить дефекты в законодательном регулировании.

Говоря о сущности преюдиции, нельзя не принимать во внимание следующий принципиальный факт: учение о преюдиции в уголовном процессе является исключительно феноменом континентальной традиции уголовного процесса. Правопорядки common law никогда не знали подобный институт, что объясняется историческими соображениями формирования суда присяжных как ключевой концептуальной линией развития англо-американской модели уголовного процесса [6], а также развитием в этих странах *системы судебного прецедента*, основанной на идеи *уникальности* фактических обстоятельств каждого конкретного дела [7].

В самом общем виде генезис феномена преюдиции был обусловлен, с одной стороны, результатом осмысления континентальной европейской доктриной вопроса о *пределах действия законной силы судебного решения* (*autorite relative de la chose jugée*), что было связано с наполеоновской кодификацией и вследствие этого окончательным размежеванием уголовной и гражданско-правовой юстиций, а с другой стороны – практикой континентальных судов (в частности, французских и бельгийских), которая основывалась на ценностных соображениях *приоритета «уголовно-правового порядка над гражданско-правовым»* [8]. Последний тезис в современной интерпретации получил признание в качестве такого фундаментального постулата для франко-бельгийской уголовно-процессуальной системы, как *концепция автономии уголовного процесса* (*l'autonomie du droit penal, de autonomie van het strafrecht*), которая исключает преюдициальную силу решений гражданских судов в отношении уголовных [9].

Именно на основании данной концепции была выработана *классическая (континентальная) модель межотраслевой преюдиции*, носящая односторонний характер (уголовный процесс → гражданско-правовой), и касающаяся исключительно *вопросов факта*, а не права.

Историческое развитие отечественной модели уголовного процесса изначально пошло по пути отрицания данной концепции, что отразилось, в частности, в *ст. 29 Устава Уголовного Судопроизводства 1864 г.*, закрепившей преюдициальную силу решений гражданских судов в отношении уголовных. В настоящий момент после реформы 2009 г. действующий российский УПК, закрепив модель неопровержимой двухсторонней межотраслевой преюдиции, также исходит из отрицания концепции автономии уголовного процесса, что порождает те самые доктринальные и правоприменительные проблемы.

Таким образом, при построении теоретически цельного и непротиворечивого учения о преюдиции доказательств, на которое *de lege ferenda* может опираться современный российский законодатель, представляется целесообразным исходить именно из классического подхода, выработанного континентальной европейской доктриной и судебной практикой и основанного, прежде всего, на концепции автономии уголовного процесса. Важно понимать, что только уголовный процесс исходя из своих целей и задач обладает надлежащей процессуальной инфраструктурой, позволяющей решать вопросы о преступлении и наказании автономно от других видов процесса, в т.ч. гражданско-правового.

Источники и литература

- 1) Смирнов А.В. Формальные средства доказывания в уголовном праве и процессе: монография. М., 2018. С. 226.
- 2) Клепицкий И.А. Преюдиция и «дело решенное» в современном уголовном процессе // Закон. 2021. № 12. С. 115-134.
- 3) Ильин А.В. Межотраслевая преюдиция в уголовном процессе // Закон. 2023. № 8. С. 95-110.

- 4) Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 19.11.2024 № 77-3068/2024; Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 20.06.2023 № 32-УД23-8 // СПС «КонсультантПлюс».
- 5) Pradel J. Procédure pénale. P. 841.
- 6) Головки Л.В. Курс уголовного процесса. М., 2025. С. 376.
- 7) Головки Л.В. Судебный прецедент как ненормативный способ легитимации судебных решений // Вестник гражданского права. 2010. № 6. С. 6-34.
- 8) Головки Л.В. Институт преюдиции в уголовном процессе Франции: к российским дискуссиям // Закон. 2022. № 9. С. 91-94.
- 9) Михеенкова М.А. Принцип автономии уголовного права и процесса в классической континентальной доктрине // Закон. 2013. № 8. С. 76-78.